

— Извините, — Хуа Чэ прервал с улыбкой, ясной и звонкой. — Первое место будет моим, а второе я любезно оставлю ледышке!

Окружающие замерли в недоумении.

— Старший брат, наш восьмой брат, кажется, что-то не так с его музыкальными практиками. Может, он с ума сошёл?

— Бедный восьмой брат!

— Жаль, что у него такие амбиции, но, увы, он, кажется, не в своём уме.

Хуа Чэ не обратил на них внимания, лишь улыбнулся и взглянул на Мужун Са, который стоял вдалеке, полный энтузиазма.

— Са, а ты готов бороться за третье место?

Мужун Са фыркнул:

— Пошёл ты! Я буду первым, или ничем!

Хуа Чэ, довольный его боевым настроем, добавил масла в огонь:

— Договорились на первые три места, иначе будешь стирать грязную одежду всей секты.

Эти слова мгновенно нашли поддержку среди всех.

— Брат Мужун, ты великолепен!

— Брат Мужун, давай, у меня уже целая корзина грязной одежды!

— Оу, Мужун Чжаояо, я тебя люблю!

Вдалеке Чжуан Тянь едва сдерживал слёзы.

Чёрт возьми, мои ученики такие, такие, такие заботливые!

С наступлением тепла и приходом солнечного мая начался четырёхгодичный Великий Турнир Десяти Тысяч Сект, проводимый Сектой Шанцин.

Практикующие со всех девяти провинций собрались вместе, чтобы участвовать в этом грандиозном событии, и вершина горы Куньлунь наполнилась жизнью.

Хуа Чэ и его спутники тщательно проверили свой внешний вид, чтобы не опозорить свою секту, и отправились вслед за Чжуан Тянем.

Даже если не участвовать в турнире, сама атмосфера заставляла сердце биться быстрее.

Хотя Хуа Чэ уже участвовал трижды, он всё равно был поражён масштабом происходящего. В небе и на земле — повсюду были практикующие со всех уголков мира, все направлялись к горе Куньлунь, по пути встречая старых знакомых и останавливаясь для бесед, создавая невероятно оживлённую атмосферу.

Мужун Са уже бывал в Секте Шанцин и не был удивлён. Он взглянул на Линь Яня, который стоял в растерянности, и спросил:

— Ты взял свои яйца?

Линь Янь наконец пришёл в себя:

— А? О, да, взял.

— Что это за штуки? Почему они до сих пор не вылупились?

Линь Янь потрогал свой мешок и ответил:

— Восьмой брат помог мне найти много книг, но ничего похожего на них не нашлось.

У подножия горы Куньлунь Чжуан Тянь предъявил пропуск на турнир и повёл учеников через ворота.

По приблизительным подсчётам, в этом году в турнире участвовало около ста тысяч человек. Как легко было бы выделиться из ста тысяч и войти в первую сотню? А из первой сотни — в десятку? И уж тем более в тройку лидеров?

Вэнь Юань почувствовал, как его охватила паника, и, опустив голову, последовал за Чжуан Тянем.

Ученики Секты Шанцин проводили гостей в комнаты для отдыха, чтобы они могли отдохнуть перед началом турнира на следующий день.

Что касается содержания соревнований, Хуа Чэ был хорошо осведомлён. Всего было три этапа. На первом всех участников отправляли в тайное царство, созданное старшими мастерами Секты Шанцин. Это был лабиринт иллюзий, полный обманчивых и пугающих видений. Те, кто смог выбраться из него, проходили дальше, и этот этап отсеивал около семидесяти процентов участников.

На втором этапе практикующие должны были подняться на мечях в небо, где старшие мастера выпускали летучих мышей-душекрадов, птиц, пожирающих дух, и других демонических существ. Участники стреляли из луков, и те, кто убивал больше всего существ, проходили дальше, оставляя только двести человек.

Третий этап был поединком один на один, где участники сражались на арене, пока не определялся победитель.

Процедура Турнира Десяти Тысяч Сект не была секретом, и все о ней знали.

Линь Янь, будучи новичком, с любопытством осматривался, но был слишком застенчив и боялся отойти далеко от группы.

Хуа Чэ заметил это и предложил показать ему окрестности. Линь Янь с радостью согласился и пошёл за ним.

Не только Линь Янь хотел осмотреться, но и сам Хуа Чэ. Прошло несколько сотен лет с тех пор, как он был здесь, и каждый уголок вызывал в нём воспоминания.

В прошлой жизни он считал, что у него было только четыре близких человека: бабушка Цзян, его наставник Лу Минфэн, младший брат Лу Яо и... тот, кто всегда игнорировал его, Чу Бинхуань.

Хотя он часто получал холодный приём, он всё равно доверял ему, следовал за ним и старался угодить.

Не раз он получал презрительные взгляды.

Бабушка Цзян была далеко в мирской жизни, наставник был строг и суров, Чу Бинхуань холоден, как лёд, и чаще всего Хуа Чэ общался с Лу Яо.

Когда они впервые встретились, Лу Яо потерялся в Ханчжоу, и за ним следили двое торговцев людьми. К счастью, Хуа Чэ случайно проходил мимо и вовремя спас его.

Тогда Лу Яо было около девяти лет, и его, как цыплёнка, тащили двое высоких мужчин. Он только плакал, не в силах что-либо сделать. Десятилетний Хуа Чэ следовал за ними и, увидев, как Лу Яо продают в театральную труппу, поджёг солому и конюшню, устроив хаос.

Когда Хуа Чэ нашёл Лу Яо, тот был в ужасе, не мог даже пошевелиться.

Разозлившись на его слабость, Хуа Чэ дал ему пощёчину, разбудил и потащил за собой.

Лу Яо был бесконечно благодарен и обещал отплатить за добро.

Прошло шесть лет, он поступил в Шанцин и стал младшим братом Хуа Чэ, а через полмесяца — его старшим братом.

Лу Яо был немного трусливым, очень мягким, не имел собственного мнения и делал то, что ему говорили. Даже если у него были сомнения, достаточно было резкого слова, чтобы он замолчал.

Эта нерешительность была результатом воспитания Лу Минфэна. Строгий отец — это хорошо, но Лу Минфэн с детства подавлял самооценку Лу Яо, и даже Хуа Чэ, как посторонний, не мог этого выносить.

Возможно, потому что он был старше Лу Яо на год, или потому что, как старший брат, он должен был заботиться о младшем.

Постепенно в Хуа Чэ зародилось чувство защитника, и, что бы ни натворил Лу Яо, он всегда первым бросался на помощь. В конце концов, ему не было стыдно, и, даже если наставник ругал или бил его, он всё равно продолжал свои шалости.

В Долине Ясной Луны он, спасая Лу Яо, упал в холодный пруд и едва не погиб.

Он не ожидал, что в пруду будут ядовитые насекомые, и, когда они укусили его, он думал, что умрёт. Но, к его удивлению, он смог выжить благодаря силе воли, выгнал яд с помощью истинной энергии и раздавил насекомых.

Возможно, это было благословение в disguise, потому что с тех пор Хуа Чэ стал невосприимчив к ядам.

Когда он достал меч Цзифэн и Чу Бинхуань вытащил его на поверхность, ощущение возвращения к жизни было прекрасным. Возможно, они думали, что он умер, и были шокированы, увидев его живым. Лу Яо бросился к нему, рыдая так, что казалось, будто небо и земля плачут вместе с ним.

— Цинкун, я думал, что ты... я так боялся, что больше никогда тебя не увижу...

Он рыдал, всхлипывая, слёзы и сопли текли по его лицу, что выглядело одновременно жалко и смешно.

После Турнира Десяти Тысяч Сект он стал знаменитостью Секты Шанцин, и все говорили о его героических подвигах.

— Оба ученика патриарха, один родной, другой приёмный. Как же так получилось, что разница такая большая?

— Кто бы мог подумать! Наш патриарх известен по всему миру как первый на Пути Бессмертных, но его сын посредственен, слаб и нерешителен. Я даже сомневаюсь, что он его родной сын.

— Ха-ха-ха, родной сын уступает приёмному. Если патриарх передаст свой пост ученику Хуа Цинкуну, как вы думаете, Лу Яо будет плакать?

Хуа Чэ и Лу Яо были наверху.

Не дожидаясь реакции Лу Яо, Хуа Чэ спустился вниз и избил всех, заставив их плакать и молить о пощаде, чтобы они больше не смели сплетничать за спиной.

За это Хуа Чэ нарушил правила секты, и Лу Минфэн наказал его, заставив стоять на коленях семь дней, переписывать книги и медитировать в одиночестве целый год.

Хуа Чэ помнил выражение лица Лу Яо тогда. Оно не было ни обиженным, ни смущённым, ни злым. Он был спокоен, как будто слышал это не впервые, и принимал это как должное. Он улыбнулся Хуа Чэ и сказал:

— Ничего страшного, они говорят правду, я совсем не злюсь, правда.

Его реакция только усилила чувство вины у Хуа Чэ.

— Лу Яо, не принимай близко к сердцу эту ерунду. Моя мечта — стать зятем Юньтянь Шуйцзин! Какое там патриаршество, мне это не нужно. На самом деле ты...

<http://bllate.org/book/15412/1362947>